

ИСТОРИЯ ЕВДОКИИ ТАРАКАНОВОЙ

Тараканова Евдокия Ивановна

Родилась я в 1924 году 9-го марта в деревне Выставка Чернозёмского сельсовета Новгородской области. В семье было 6 детей: Егор, Иван, Василий, Яков, Елена и я — Евдокия. Жили очень бедно. В финскую войну я жила в прислугах у Соловьёвой Елизаветы. Она работала заведующей складом, а я нянчила её детей. Город жил бедно, и мы питались экономно. Потом я работала в Ёгле на трикотажной фабрике вязальщицей, делала норму.

Как о войне узнала? Да по радио сказали. Ощущение? Конечно было тревожное: как это так? И что будет? С Ёглы нас отправили копать противотанковые рвы. Сначала около Боровичей. Потом по Новгородской земле. В чём копали, в том и спали. Иван и Василий 13 лет тоже копали. Видели из кустарника 3-го цеха на Заречной улице как улетали немецкие самолёты, бомбившие аэродром. Немцы пролетали низко-низко над нами как над цыплятами. Шум страшный. Мы вернулись, и нас стали рассылать по Новгородчине.

Осень 1941 года. Под Большой Вишерой мы работаем, холод. Голод. Нам жители деревни говорят: «Что ждёте, немец за болотом, ему не пройти». Там настил, мы пошли через болото — их там, болот-то, много. Впереди вожатый. В конце хвостовой. Чтобы не потерялись. Мы дошли до Веребья. Приехал парень, говорит: «Немцы заняли нашу деревню Селище». Мы жили по углам у староверов, пить не давали. Проходит 1941 год, мы где-то шлеемся.

Девчонки говорят: «Пойдем за справкой в Ёглу. Мои сестры уже в госпитале работают. Дали справки как чеки на обёрточной бумаге».

9 марта 1942 года. Штаб находился под лестницей дома, я уже не помню, толи на ул. Подбельского или Кузнецова. Нас принял секретарь и в этот день мы пошли работать в госпиталь №2750. Он располагался в городском театре. И вдруг он уехал на передовую. А приехал госпиталь №2547, все врачи и медсестры из Серова. Госпиталь разместился в Доме ИТР. Работаем, раненых много. Если наступление — раненых сыпят. В Доме культуры Керамика госпиталь сортировочный. У нас-то больше было ходячих. Офицерская палата на пятом этаже. Я санитарка. Госпиталь отделялся от улицы большим забором. У нас были контуженные, травмированные, психически больные. Один такой стал за мной ухаживать, прохода не давал. Я в туалет и он за мной туда же. Из-за него я отказалась там работать. Говорю главному врачу: «Не могу больше, не буду». А он мне: «Ты помогаешь ему, ты помогаешь мне, надо терпеть».

Начало 1944 года. Уже фронт продвигался, сняли блокаду. 7 апреля 1944 года. Приказ: «Завтра погружаться в вагоны, приходите к ю часам». И нас в Ленинград. В Ленинграде помещения не дали и нас в Кингисепп. Приехали. Солдаты вышли из избы, а мы на их место, спали на соломе. Вытаивали убитых.

— Как это? — Да зимой их занесло, а надо хоронить. Нас бросили под сам Кингисепп. Мы в палате как на острове. Остров как блин, мы на нём, кругом болота. Здесь было мало раненых. Нас перекинули по понтонным мосткам через реку Нарву. Немец обстреливал мост. Снаряды рвались. Как бляхнет, только держись. Нарва вся разбита. Одни трубы стояли. В Прибалтике мы по лесам. Боялись ли? Да мы и не успели бояться. Да и некогда было.

Декабрь 1944 года. Получила от Ивана письмо. Опустить письмо и тут же ответ. Начальник клуба говорит: «Он где-то рядом. Напиши Остров Мазовецкий». Написал: «деревня» на письме: «проверено цензурой». Мы были с братом в 500 метрах друг от друга. Я ему пишу: «Ваня, напиши, пусть командир взвода напишет как там дойти». По письму и шла. Нашла эту часть. Меня подхватил майор: «Вы русская? Документы?» А паспорт-то мой в штабе. Смотрю,

выходят мальчишки-солдаты — все одинаковые. Я узнаю Ваню. День короткий, прошу: «Отпустите к нам» — Майор: «Я поговорю со старшим». Его отпустили на сутки, взяли слово, чтобы его обратно привести. Мы с подружкой Катей проводили его в часть, довели до места. Командир взвода говорит: «Идите девчата». Потом Иван потерялся. Прошел февраль, и вдруг пишут: «От Вани похоронка». Он погиб под Кингисеппом. Поплакали, погоревали. У мамы он был любимый сын.

Мы под Нарвой, в лесу, полевые кухни. Привозили раненых. К нам поступила бригада врачей АРМУ 2-й ударной. Медперсонал весь приезжий. Прошло наступление — они следом. Где наступление — их туда и бросали.

Шли бои, у нас умирало очень много. Хозкоманда составляла будки из сосняка. Их туда и складывают. Дальше поехали в Дойчлау, Кенигсберг. Останавливаемся по пути — раненые. Доехали до Мариенвердера. Дома пустые. Мы любовались их квартирами, большие, уютные. За стеной дома, где мы жили — кладбище, две большие церкви, и был звон. После Мариенвердера стояли в лесу, переезжаем дальше. Видим большая дача богача, дом, кухня, хозяйственные постройки, лошади, овцы, у дома длинный водоём. Узнали 8-го числа, что была беседа о конце войны. Начальник прибежал в кальсонах. Радуемся, плачем. Потери у всех.

Едем дальше. Город Штетин на границе Польши и Германии. Штетин — город в какой-то яме, как в тарелке. Останавливаемся в ю км от него. Зашевелился японец. Нас держали до осени. В основном лечились туберкулёзники. 23 октября нас отпустили. Сперва на лошадях нас везли через Берлин. В городе одни руины. Оттуда в товарных вагонах домой. Холодно, сами топили буржуйку. Приехали в Ленинград. Нас послали в один вагон: семь девчонок-подруг и двух парней из деревень Ануфриево и Князево. На Московском вокзале в вагоне ночевали трое суток, всех уже отправили, а мы стоим. Морозова Нюрка говорит: «Пойдём к начальнику поезда». Пошли, он сказал: «А я и не знал, что вас не отправили, бегите в другой вагон». Вернулись в Боровичи.

Евдокия Ивановна Тараканова.